

И.Б. Роднянская

«Нет, не тебя так пылко я люблю»

«Нет, не тебя так пылко я люблю» (лето 1841) — одно из поздних стихотворений Лермонтова, принадлежащих «к эпохе полного развития его дарования» (Белинский). Написанные в ту же «эпоху» (1840-1841) стихотворные обращения к женщинам не являются любовной лирикой в точном смысле слова: это восторженные или комплиментарные портреты (стихотворения «М.А. Щербатовой», «К портрету»), дружеские, не без условной позы приветствия («М.П. Соломирской», «Графине Ростопчиной»), размышления о судьбе возлюбленной вне связи с собственной участью («Отчего»); сердечный мир лирического «Я» в них по существу остается закрытым. Из этого ряда «Нет, не тебя...» резко выделяется той сосредоточенностью на переливах своего чувства, тем упорным стремлением уяснить их себе и адресату, какими всегда сопровождалось переживание страстной влюбленности в ранней лирике Лермонтова. (Знаменательно, что местоимение «я» и производные встречаются в 12-строчном стихотворении 8 раз и столько же раз звучит: «тебя», «твоей» и т. п.). У зрелого Лермонтова верность пережитому, завершенность судьбы и всех личных отношений в прошлом — определяющая черта лирического героя, и в данном стихотворении тоже утверждается, что воспоминание о прошлой любви сильнее впечатлений настоящего, что власть памятного женского образа реальнее «блистанья» новой «красы». Но напряженная обращенность к воочию присутствующей собеседнице создает подводное противотечение: слушательница оказывается вовлечена в драму героя, втянута в круг его страстей, возбуждена к ответному чувству, несмотря на то, что так и не дождалась любовного признания.

Начинаясь с энергичного интонац. жеста: «Нет, не тебя...», стихотворение звучит как реплика в давно идущем разговоре, как неокончательный и двойственный ответ на немой вопрос героини. Герой «пылко» (даже «так пылко» — типично лермонтовское усилительное «придыхание») любит не ту, с кем он сейчас говорит, и резкость его заявления лишь отчасти смягчена утешительным комплиментом 2-й строки; но все-таки он любит нечто именно в нынешней собеседнице (свою погибшую молодость, сходство с «подругой юных дней»). Притом в значении слова «пылко» так сильны смысловые признаки импульсивности, сиюминутной вспышки, что оно не вполне приложимо к воспоминанию, пускай яркому, словно сон наяву, к чувству, пробуждаемому огнем «угаснувших очей». Доля этой «пылкости» неизбежно переадресуется непосредственной слушательнице героя.

Есть что-то гипнотически настойчивое, что-то внушающее послушный отклик в самом строе стихотворения: в нарочито монотонной рифмовке грамматически однородных слов «блистанье — страданье», «смотрю — говорю», «взором — разговором», «дней — очей», «другие — немые»; во «влажных» (как их называл сам поэт) рифмах на «ю», которые для Лермонтова всегда ассоциировались с интимностью сердечного излияния; в неотступности словесных повторов: «люблю — люблю», «глаза — в глазах», «говорю — говорю», подчас образующих «песенные» композиционные фигуры (стык, подхват, анафоры, параллелизмы); в протяжной плавности пятистопных ямбических стихов с многочисленными пиррихиями. Этот монолог-напев, сопровождающийся долгим вслушиванием и вглядыванием в паузах между обособленными строфами, как бы покоряет слух собеседницы. В. Баранов, впервые убедительно показавший, что настоящее стихотворение обращено не к С.М. Соллогуб (как предполагал П. Висковатый), а к проводившей лето 1841 в Пятигорске юной «кузине» Лермонтова — Е. Быховец, дополнительные аргументы в пользу своей гипотезы не без основания черпает из психологической окраски стихов. Обезоруживающая искренность, апелляция к женскому пониманию

и сочувствию, откровенная увлеченность, удержанная, однако, на грани решительного признания, — эти зыбкие отношения, с манящей перспективой новой любви, могли сложиться у Лермонтова и молодой особы именно под безопасным покровом дальнего родства. Не исключено, что гибель застигла Лермонтова на пороге значительного чувства, давно им не изведенного.

Между тем «прошлое страданье» здесь нечто несравненно большее, чем предлог для лирической исповеди перед новой слушательницей [ср. место этого же мотива в ранних стихотворениях: «К..... («Не привлекай меня красой!..», 1829) или «К*» («Оставь напрасные заботы...», 1832)]. В какой-то момент «дальний план» стихотворения — мысленное созерцание прошлого — произвольно выступает вперед и в финале целиком завладевает вниманием героя. Перелом совершается на слове «говорю» — стыке 2-й и 3-й строф; кажется, что начало 3-й строфы герой произносит, уже глядя «сквозь» свою слушательницу. «Давно немые уста», от которых в ходе «таинственного разговора» все еще ожидается заветное слово, и «угаснувшие очи», чей огонь все еще светит из новых, чужих глаз, — это образы такой патетической значительности, что они, несмотря на свою загадочную скупость, заслоняют не только ту, к кому стихотворение обращено, но и самое лирическое «Я».

Относительно «подруги юных дней» как реальной личности мнения комментаторов расходятся. Наиболее вероятно, что речь идет о В.А. Лопухиной, сходство с которой находил Лермонтов у Быховец, если верить ее свидетельству. Именно та, кого юноша Лермонтов звал себе в «товарищи» («Будь товарищ грозных бурь моих» — из стихотворения, обращенного к Лопухиной), десять лет спустя могла быть названа «подругой юных дней». И. Андроников даже находит в двух последних стихах реальный намек на раннее угасание Лопухиной-Бахметевоy в браке с нелюбимым человеком. Высказывалась и противоположная мысль: финальный женский образ лишен житейской основы, это любовь-мечта. Наконец, «давно немые уста» наталкивали на предположение о любви к неведомой умершей девушке и побуждали сопоставлять этот мотив с юношеским стихотворением «Я видел раз ее в веселом вихре бала» (1830–1831), где блеск и привлекательность героини тоже тускнеют рядом с памятью о «чертах других» (дословное совпадение!) — о «лице бесцветном» и «взорах ледяных»; к обоим стихотворениям усиленно подыскивался общий биографический ключ. Однако в юношеской вещи речь идет скорее всего не о покойнице (чьим навеки закрытым глазам не пристал, кстати, даже «ледяной» взор), а о плоде мечтательного воображения (ср. с «девой чудной» из стихотворения тех же лет «Первая любовь»: «Я предавал свой ум мечте непобедимой. / Я видел женский лик, он хладен был, как лед»). Возможно, этот «след... младенческих видений», этот возвышенный и отрешенный символ женской одухотворенности («Как совесть душу он хранит от преступлений») слился в сознании поэта с прощальным обликом «Вареньки»; отсюда определенная переключка между двумя стихотворениями 1830–1831 и финалом «Нет, не тебя так пылко я люблю».

В стихотворении соблюдено основное «условие» романтической любви: героиня бывает любима не «сама по себе», а лишь как отображение и отблеск чьего-то несравненно более драгоценного и совершенного лика; ее черты ревниво сличаются с образом, запечатленным в душе героя чуть ли не «с начала мира» (ср. Демон — Тамара). Но поскольку эта идеальная женственность представлена здесь фигурой, несущей, как можно догадаться, печать несчастья и житейской драмы, стихотворение далеко отклоняется от обычных романтических моделей. Собеседнице героя предлагается подняться не на пьедестал «девы чудной», а вровень с трагической серьезностью жизни.